

Юлия Медведева

Стихи

Юлия Медведева. Публицист, поэт, прозаик. Окончила факультет журналистики СПбГУ. Публиковались в журналах «Аврора», «Зинзивер», в газетах «Книжная лавка писателей», «Санкт-Петербургский дневник», «Истоки» (Уфа), в альманахе «Молодой Петербург», на интернет-портале «Этажи», в коллективных сборниках поэзии. Лауреат журнала «Зинзивер» в номинации «Стихи» (2016), премии «Молодой Петербург» в номинации «Критика, публицистика» (2017). Куратор литературных мероприятий, соорганизатор Международного литературного фестиваля «Петербургские мосты». Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

«Мужчина, у вас педаль застряла!». Из турникета Финляндского вокзала он пытается вырваться, хоть и потерей велосипеда, на электричку, которая увезет его к свету небесному, распыленному через хвою, к морю блаженному, чаячьему вою; хоть один выходной, хоть одно в пропадающей жизни оконце!

Бледный, словно моллюск, мужчина бьется в створках ракушечных сломанного турникета...

Тщетно. В Питере никогда не бывает лета.

* * *

Там, где море по колено, там, где сосны-великаны, ни гранатов, ни Шопена, только бульканье стакана, да обветренные чайки вечно начеку... Если там не полегчает — вырывай чеку.

* * *

Это мое мелкотемье — берег, залив,
вот я опять мягкотело бреду в заплыв,
довольно нелепый — руками касаясь дна,
песочные скрепы дарит неглубина.

Будет вода мутновата, тепла, пресна,
будто бы ванна, хоть и кругом леса.
Друзья усмехнутся, солнцу подставив бок:
«Пойти искупнуться? Слишком неглубоко».

А я, обругавши чаек, взметнувши рыб,
словно упав случайно, плещусь навзрыд.
Вниз устремляются тени, и кажется мне,
только в одном спасение — в неглубине.

* * *

Хочу с тобою на залив, жить на заливе,
не там, где росчерки олив, а где дождливей,
где навались валуны на пляж белесый,
где слезы долгие сосны, надрыв березы,
где ветер брызгает песком, окурок – пеплом,
где ты замерзнешь босиком, а я — под пледом.
Жить, всех на свете позабыв, как в глупой песне.
Пока в нас плещется залив — мы не исчезнем.

* * *

нет никаких глобальных тем,
я голем среди голых тел,
забывших облако-морале,
переплетенных, как плетень.
неотвратимо, на беду,
глагол и герл в одном ряду,
куда меня бы ни позвали,
я не приду к тебе, приду.
застыла глина в голове,
поэтому — еще плавней,
я не изведаю печали,
лишь стану старше и полней.
я известь, завязь или взвесь,
я не узнаю, кто ты есть,
красив, смешлив или отчаян,
меня не существует здесь.
я там, где яблоч перестук,
где время стрелками на юг,
где память поведет плечами,
и где гончарный сломан круг...

* * *

она стареть не хотела, да и не старела, так и померла молодой
 ее восьмидесятилетнее тело просилось на подиум, а не на упокой
 подружки ее старушки в сердцах поджимали губы
 замечали, что платья ее требовали утюжки
 пироги подгорали, в сорняках погряжали клумбы
 огурцы не солились — кисли; далеко, в общем, до идеала
 она виновато, казалось, разговорам этим внимала
 но не исправилась — гроб заколачивали с таким звуком
 будто она спешила на свидание с очередным другом
 цокая по мостовой подкованными каблуками
 (а ведь для нее уже обтесали могильный камень)
 напевая «кисти пальцы дождя струи — поцелуй»
 вклиниваясь бестактно в «господи помилуй» и «аллилуй»

* * *

Надо все пережить, даже смерть,
 лишь потом, лишь потом умереть.
 Но на Невском проспекте нет смерти,
 призрак Цоя и морок Кобейна
 оглушают дома и кофейни,
 Катерина с заносчивым личиком,
 уходящим в мерцающий кобальт,
 Зингер, Мертенс, Чичерин, Аничков
 и в далеком изгнание Некрополь.